

Живет в Риге (Латвия).

Мой Хартс

Мой узник, не стоит глотать анальгин натошак,
раздавленной молью лежать на худом полотне!
Заправь кислородом дыхательный бак,
спускайся ко мне!

Мой призрачный вид не прибавит морщин, не оставит следов на висках.
Я помню как ты пятилетним ребенком меня под кроватью искал.
Ты хлопал в ладоши, когда колдовство проникало под светлую кожу;

и злился, когда феерический дух возбужденные нервы шатал.
Ты знал, что по будничным дням я послушных детей никогда не тревожил;
и странную песню при полной луне потихоньку под нос напевал:

"Мой Хартс*, пробудись, отопри одинокий чердак,
летающим душам позволь посидеть на окне!
Насыпь зверобоя в волшебный черпак,
спускайся ко мне!"

Ах, помнишь как мы веселились Рождественской ночью на Лысой горе?
Семь девушек в юбках плясали по кругу, а ты незаметно старел.
Ревели студёные ветры, срывая платки, расплетая косицы;
гудели столбы - деревянные боги, дыханьем сдувая костры.
Ты молча стоял у раскидистой ели и долго смотрел на синицу;
а сердце кричало, чтоб ведьмы, добавили к празднику грамм остроты:

"Мой Хартс, пробудись, сотвори кавардак,
летающим ведьмам позволь куролесить во тьме!
Насыпь валерьянки в столетний коньяк,
спускайся ко мне!"

Мне жаль, что счастливое детство, былые забавы разбились о быт.
Я вижу в глазах огорчение, значит, двенадцатый год не забыт...
Банкротство завода сгубило рассудок, повергло беднягу в пучину:
слепец, как распятый людьми Андрогин, безмятежно шел вдаль по воде.
Трещал и ломался ноябрьский лед; равнодушие гладило спину;
мужчина шел вглубь, бормоча непонятные фразы седой бороде:

"Мой Хартс, отзовись! Я не жил кое-как!
Бессмертному чаду позволь полетать на коне!
Насыпь зверобоя в волшебный черпак,
спускайся ко мне!"

Мой узник, никто не способен меня победить: дух без тела - силен!
Я встретил героев с диагнозом Урбаха – Вите - и был изумлен!
Тогда я подумал: „Попробую их покорить - разыграю удушье!"
Мой узник, они испугались меня и из комнаты выползли вон!
Есть только один удивительный способ освоиться в бешеном улье:
ты должен, как в детстве, меня понимать и держать уважительный тон!

**Хартс - зашифрованное имя духа из пяти букв.*

Бастилия

Настенные часы безукоризненно проббили полвторого,
стряхнули полудрему с одеяла, умертвили тишину.

Я села на подушки, осторожно попросила домового
к обеду обратить испепеляющие чувства в бузину.
До раннего утра под балдахином все ворочалась,
до белого рассвета под навесом все тревожилась;
казалось, что квартира превратилась в неприступную „Бастилию”,
где стоны и душевные терзания взмывали в пустоту.
Я чувствовала сильную усталость, угнетенья наготу,
чертила в ужасающем пространстве драгоценную Отилию...

В шесть вечера, голодная, в столовую спустилась ненадолго.
На мраморном столе я не увидела ни ягод бузины,
ни строчек извинений от угодника - проказника ночного;
повсюду красовались распечатанные снимки старины.
Там девушка в объятиях любимого печалилась,
там туча одинокая боярышнику плакалась;
казалось, что разлука облачилась в императорскую мантию,-
казнила за неравенство, свидания закрыла на замок.
Я выплеснула язвенную боль в непроницаемый платок,
и больше не желала отдаваться роковому увяданию...

Поблекшая надежда отступила от камина золотого,
смахнула надоедливое прошлое с покатоного плеча,
взглянула на танцующие блики у безмолвного порога,
сложила фотографии и бросила в огнище сгоряча...
Трещала бело-огненная ведьма, а я - каялась;
трещала судьбоносная трясина, а я - маялась;
казалось, что падение „Бастилии” проигрывает партию
затравленной любви, - из-под поленьев извлекает револьвер.
Я выбежала в темный коридор и наскочила на торшер,
а пламенные руки обхватили окровавленную талию...

Дерево Жизни

Заснеженный каменный рай, заколдованный Богом, уснул на века...
Постылая скука петляет по кругу, глядит на меня свысока...
Как больно: цепляться подошвой за древнюю землю; черстветь посреди
Эдемского сада; не слышать загадочных трелей пленительных птиц!
Как тяжело: впиваться вершиной в небесную сферу; спокойно следить
за острым мечом херувима; не видеть высоких, зеркальных границ!
Лишь преданный ветер, незримый паломник, под вечер, сквозь занавес сна
меня навестит, развлечет новостями землян, прогостит допоздна...

Мой друг, любознательный ветер, рассказами смутных времен не пугай!
Эх, мне бы, могучему Дереву Жизни, вернуть человечеству рай!
Найти горемычное яблоко Евы; замкнуть змеевидную нить
двуликих, взаимных энергий; из мякоти выжать избыточный яд.

Вдохнуть в вожаемое яблоко целостность жизни; на зло починить
весы равновесия; тихой молитвой закончить священный обряд.
Свершить благодушное дело для Вечного Дерева сплошь ерунда,
но знаю, что бранные люди богами не станут уже никогда!

Отверженный рай, припорошенный снегом, припрятал дары от невежд.
Рай помнит о прошлом, мечтает о лете, не верит в гибель надежд!
Как долго продлятся душевные муки во благо бессмертных идей,
не вымолвят мощи святых, проповедники Нового Света, попы.
Как быстро на маленьких лапках блаженную жизнь принесет скарабей,
не скажут политики мира, кровавые войны, волнения толпы.
Лишь самость премудрого Дерева Жизни не чувствует жала греха,
не просит воды, не гнушается боли, не прячет плодов в погребах.

Пусть бродит по саду проклятая скука: не смею план Бога ругать!
Я – горный отшельник! Я – стержень Вселенной! Примите мою благодать!
Найти заколдованный рай посчастливится тем, кто без капли нытья,
смирненно познает трехмерную суть равновесия зла и добра.
Вдохнуть в воспаленные клетки сознания новую цельность бытия
помогут подсказки знакомого змия, ведь верить в победу пора!
Свершить новоявленный подвиг для зрелой души не составит труда,
но стоит ли цельному богу покинуть свой рай и уйти в никуда?

